

Парамонов vs Шпенглер. Мой комментарий

БОРИС ПАРАМОНОВ. Шпенглер о России

ФИЛОСОФСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Опубликовано в журнале [Звезда](#), номер 6, 2000

<https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/6/shpengler-o-rossii.html?fbclid=IwAR1PONnUtNPPMbuLuM4z1LvtSlkWC8tMeh2834I202hyEKXNVtvTJfWJITc>

Парамонов вскрывает заморочки Шпенглера, как общеизвестные, так и, как он думает, им «открытые». Я ставлю кавычки не потому, что это не так, а потому, что, не будучи специалистом по Шпенглеру и Парамонову, не уверен, кто тут чего «открыл».

Но парадокс в том, что, вскрывая заморочки Шпенглера, Парамонов невольно демонстрирует свои собственные заморочки.

Сначала вызывают недоумения некоторые оценки мыслей Шпенглера и его «прогнозов», да и некоторые собственные суждения Парамонова.

Например, упоминая, что для Шпенглера культура — это *«скорее природное, чем духовное образование, дух — это для цивилизации, он и порождает со временем цивилизацию»*, Парамонов неожиданно приводит в пример Блока, который *«говорил, что культура стихийна, что стихия и культура — одно, что и привело его к необходимости воспеть большевицкий Октябрь»*. Это получается как бы ошибка Блока: не то воспел. Ну, да, и Маяковский не то воспевал. Можно подумать, что «большевицкий Октябрь» был культурным явлением, а не зигзагом цивилизационного процесса.

Но под конец статьи всё становится понятным.

Какую цель преследует Парамонов? Он пишет: *«требуется Шпенглера опровергнуть в целом, самую его концепцию культуры и цивилизации и ту его мысль, что на цивилизационном этапе истории делать вообще нечего, что история кончилась в цивилизации и ничего творчески — созидательного ныне не происходит»*.

Для чего требуется?

А вот для чего. Парамонов критикует Шпенглера с либеральных позиций самого современного толка. Как и положено, делает он это чужими устами, обильно цитируя статью Чарлза Фэрбанка в Нью-Йоркском еженедельнике «Уикли Стандарт» и полностью солидаризируясь с ней. И, в частности: *«Мир,*

не принимающий рациональных, на всех рассчитанных норм либеральной демократии, обречен повторить ужасы нацизма”».

И, более конкретно, Парамонов пишет о России: *«Придется России — хочет она или не хочет — ступить в цивилизационную стадию и научиться считать деньги. Как раз это занятие Шпенглер называл невозможным для русских, он писал во втором томе, что русские не то что свергли капитализм, а просто не понимают, что это такое. Придется понять — иначе перспективы нет никакой, ни цивилизационной, ни “даже” культурной».*

И ещё цитирует Карена Свасьяна: *«К страшной неравной борьбе этих принципов — торгашеского и героического — сводит Шпенглер окончательное решение судеб западного человечества».*

Добавляет уже от себя весьма прямолинейно: *«Мы знаем сегодня, что эта судьба сейчас уже решена: победил торгашеский принцип, который сегодня уместнее назвать уже не английским, но американским. О каком героизме можно говорить в конце двадцатого века, когда у нас в памяти новая попытка немецкого принципа и духа еще раз заявить о себе в очередной мировой войне — как бы измелъчившимся и вульгаризованным ни считали мы этот дух в варианте Гитлера».*

Статья Парамонова написана в 2000 г., и это многое объясняет. Бомбардировки Югославии случились в 1999 г.

В 2000 г. Парамонов пишет: *«1 мая того же года в “Нью-Йорк Таймс” появилась статья Евгения Евтушенко на тему Югославии... приводимые Евтушенко слова Солженицына, сказанные по этому же поводу: что сербы, идущие с женами и детьми стоят на мостах — предполагаемых объектах бомбардировки, вызывают в памяти греческие трагедии. Евтушенко выражает недоумение, граничащее с негодованием: отчего это “Нью-Йорк Таймс”, помещавшая на первой странице любые полслова Солженицына, когда он боролся с коммунистами, замалчивает его сейчас, вот эти слова замалчивает. Между тем газета, прибегнув к такому умолчанию, можно сказать, спасает в Америке репутацию Солженицына, ибо ничего более безответственного он в жизни не говорил. Еще раз убеждаешься, что “артисты” — опасный народ, готовый за призрак красоты на человеческие жертвы. Жертвуйте собой — но не героизируйте массовый психоз индоктринированных толп. Так ведь и гитлеровскую войну можно назвать музыкальной драмой Вагнера».*

И далее: *«Балканские события заставили еще раз задуматься об этих героизмах. Вывод, однако, можно сформулировать априорно, вне этих опытов: в эпоху ядерного оружия невозможно жить культурными мифами*

— *потребна цивилизационна мелочност, оглядчивост, здравый смысл. Причем этот — цивилизационный — климат нужно распространить буквально на весь мир, ибо в нынешнем, поистине едином, но до крайности “мультикультурном” мире нельзя ужиться, сосуществовать вне единого, общего знаменателя, которым может быть только рационально выверенная норма цивилизации».*

И ещё: *«Вот это мы и видели в Югославии, где режим Милошевича занимался самым настоящим геноцидом, названным на этот раз этнической чисткой. Сочувствовать этому режиму нельзя. Русское сочувствие сербам может быть понятно исключительно в качестве некоего психологического комплекса, идентификации со страной, модельно воспроизведшей посткоммунистическую ситуацию в самой России: род империи, начавшей распадаться. Но нужно понять также, что эту ситуацию нельзя решить на путях, используемых сербами. И русским ли говорить о православно-славянском братстве в стране, где 20 миллионов человек — мусульмане?».*

Вот какая логика должна быть у человека, который только что говорил о том, как плохи принципы, ведущие к войне, имея в виду вторую мировую, и тут же, говоря о войне в Югославии, обвиняет не тех, кто сбрасывал бомбы на Белград, а... женщин и детей на мостах Белграда? У сербов, видите ли, неправильные «героические» принципы. А у тех, кто их бомбил, правильные либеральные принципы. Так что ли? По Парамонову выходит, что так.

И, кстати, Милошевич не то чтобы оправдан Гаагским судом (не дождётеся), а просто «нет достаточных доказательств» (т.е. очень хотелось, но не получилось). Но тут к Парамонову образца 2000 г. претензий нет, ну, не мог он знать, что не окажется «достаточных доказательств».

Я, конечно, не сторонник Шпенглера, но в его идеях есть рациональное зерно. Он высказал вполне здравую мысль о том, что история человечества — это не «прямая линия прогресса», как думали и марксисты и как продолжают думать нынешние либералы. Конечно, он впал в другую крайность, разложив историю на ряд замкнутых и не связанных друг с другом «кругов» культур. Как всегда, истина, наверное, где-то посередине. Поэтому мне чужд пафос Парамонова и его задача опровергнуть Шпенглера целиком и полностью.

По Шпенглеру (в трактовке Парамонова) *«кончается человеческая история с отмиранием культур большого стиля».* По Парамонову они-таки отмирают, но это не конец истории, а очень даже хорошо, им на смену приходит единая, естественно, либеральная цивилизация.

Мне-то кажется, что вовсе культуры не отмирают. Кроме того, даже мысль Шпенглера о профанации культуры на цивилизационном этапе развития не

так уж не верна. По сути, мы видим это сегодня на примере культуры западной. Нет нужды приводить какие-то факты, их слишком много.

Вот самый последний «писк» западной культуры на её «цивилизационном этапе»:

В 1944 году композитор и автор песен Фрэнк Лоссер написал рождественскую песню «Baby, It's Cold Outside». Она прозвучала в фильме «Дочь Нептуна», стала хитом и завоевала «Оскар» как лучшая песня. Там идёт диалог женщины и мужчины на свидании: она пытается уйти из его дома, он уговаривает ее остаться, ссылаясь на плохую погоду. Теперь в этом вдруг усмотрели намеки на принуждение к сексу. И вот уже музыкант Джон Ледженд переписывает текст в духе эпохи #MeToo. Теперь там есть фраза «Твое тело и твой выбор». Очень либерально и демократично.

Я предлагаю новый хэштек для пометки всех такого рода новостей: #ИДИОТЫ.

Поэтому мне было просто смешно читать у Парамонова, что «либеральная демократия... придерживается до сих пор просветительского рационализма в духе XVIII столетия».

Парамонов заканчивает статью характерным пассажем:

«В книге Шпенглера, в обоих томах есть странный пробел: ни слова о Японии... Почему? Ответ ясен: Япония в двадцатом веке, в самом его начале дала выразительнейший пример успешного развития на переходе от культуры к цивилизации, показала, что возможен неоспоримый цивилизационный прогресс... Это опровергает в сущности всю концепцию Шпенглера, доказывая, что не кончается человеческая история с отмиранием культур большого стиля. Да что говорить о Японии, когда на глазах другой пример, грандиознейший: Америка».

Кто бы сомневался, что примером «культуры большого стиля», успешно сочетающейся с умением «считать деньги», у Парамонова окажется Америка. Имеется в виду, конечно, США, а не Америка как материк. И это, кстати, важная оговорка у Парамонова, потому что культуры Южной Америки никак не вписываются в этот пример. А, кроме того, культура США (если опять-таки не учитывать индейцев) — это смесь культур, заимствованных из Старого Света, под главенством англосаксонской культуры. США существуют не так много времени, и что из них выйдет в будущем в культурном плане, неизвестно. Хотя некоторые тенденции уже сегодня настораживают.

А почему Япония? Ну, понятно, это — один из «азиатских драконов». Но говорить о том, что Япония переходила «от культуры к цивилизации», это значит совсем не понимать, что происходило в Японии. А сегодня мы имеем

ещё более *«выразительнейший пример успешного развития»* — это Китай. И это уже «большой дракон». И что: кто-то всерьёз считает, что Китай переходит от своей культуры к цивилизации? Да ведь залогом успешного развития Китая как раз и является его культура. И, прежде всего, возрождающееся конфуцианство, по сути, неявно (а подчас и явно) взятое руководством Китая на вооружение. И, кстати, конфуцианство занимает важнейшее место и на Тайване, и в Корее, и в Японии. И не только конфуцианство, но и вся китайская культура. Достаточно посмотреть на флаг Южной Кореи — Тайцзи (Великий Предел) и четыре симметричных триграммы — символы, уходящие в глубину тысячелетней китайской истории.

Конечно, развитие цивилизации в рамках национальных культур входит в противоречие со всей идеологией либерального глобализма: с постмодернизмом, мультикультурализмом и т.п. Хотя, как я понял Парамонова, даже мультикультурализм — это переходный этап, и должен быть преодолён с введением либерально-демократического цивилизационного единомыслия. А ведь с точки зрения традиционных культур порочна и основополагающая идея прав человека, как её трактуют современные поборники «демократии».

Лучше всего об этом сказал сам Парамонов в более ранней статье «Конец стиля»: *«любовь нашла в демократии весьма эффективный заменитель — права человека»*. Да не заменитель это, а суррогат! А, между тем, как ни странно, при всей жестокости с современной точки зрения традиционных культур в историческом плане, именно любовь лежала в их основе. Достаточно указать на христианство («Возлюби ближнего твоего, как самого себя» и «Бог есть любовь») и конфуцианство, в котором главная категория — *жэнь* — переводится обычно как «человеколюбие». И при всём различии, а где-то и противоположности, этих категорий в разных культурах, при всей их сложности и неоднозначности, уж к чему-чему, а к «правам человека» они никак не сводятся. Ну, нельзя Мадонну свести к Луизе Чикконе (и с этим Парамонов согласен), а «Сикстинскую Мадонну» — к персонажу комикса, хотя к нему уже сводят Луизу Чикконе.

И получается, что Шпенглер прав: каток современного «цивилизационного» глобализма хочет закатать в плоскость асфальта все «круги» национальных культур. Или не асфальта, а собянинской плитки «мультикультурализма».

Но это если цивилизацию понимать так, как её понимал Шпенглер и сейчас понимает Парамонов. Здесь, конечно, главный вопрос: возможно ли мирное решение противоречия между культурой и цивилизацией? Не война, а мир.

Мне кажется, что мы, ослеплённые прожекторами цивилизационного прогресса, недооцениваем мощь культуры. И здесь я, пожалуй, больше

согласен со Шпеглером и Александром Блоком, видевшими в культуре скорее природную стихию, чем духовное образование. Это ведь означает всего-навсего, что не столько человек создаёт культуру, сколько культура создаёт человека. В отличие от «цивилизации подсчёта денег», которая создаёт только потребителя, уже ничего не способного создать. Возможна ли другая цивилизация? Вот в чём вопрос. И этот вопрос люди задают себе уже много тысячелетий. Именно в попытке ответить на этот вопрос зарождались религии и совершались революции, кровавые, да, тут не поспоришь. Но, я надеюсь, просто «снять» этот вопрос «подсчётом денег» всё же не получится. В людях ещё остаётся что-то «героическое».

2 ноября 2019